

МИЛОРАД ПАВИЧ

Запись под знаком Девы

Магистраль. Главный тренд

Милорад Павич

Запись под знаком Девы

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.163.41-3
ББК 84(4Сеп)-44

Павич М.

Запись под знаком Девы / М. Павич — «Эксмо»,
2011 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-249703-2

Милорад Павич — прозаик, которого критики называли «первым писателем XXI века». В сборнике «Запись под знаком Девы» мистика переплетается с магическим реализмом и историей Сербии, превращая каждый рассказ в загадку. Вам предстоит отправиться в путешествие на грани сна и реальности. В этом видении греческий монах исцеляет от больных снов. Пятеро мужчин и две женщины неподалеку от своих домов обнаруживают занавес, а за ним — толпу, глазеющую на них. В заросшем римском амфитеатре притаились духи, ждущие кровопролития. А герой пишет письмо, адресованное мертвым.

В книге есть рассказ, который нельзя прочитать дважды. Читайте в серии:
Милорад Павич - «Ящик для письменных принадлежностей» - «Звездная мантия. Астрологический прогноз для непосвященных» - «Внутренняя сторона ветра. Роман о Геро и Леандре» - «Другое тело» - «Русская борзая» Горан Петрович - «Атлас, составленный небом» - «Осада церкви Святого Спаса» - «Сеансы одновременного чтения» - «Бумага» Мирьяна Новакович - «Страх и его слуга» Милован Глишич - «Спустя девяносто лет» Гроздана Олуич - «Голоса на ветру» Бора Чосич - «Роль моей семьи в мировой революции» Иван Токин - «Пес»

УДК 821.163.41-3

ББК 84(4Сеп)-44

ISBN 978-5-04-249703-2

© Павич М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Веджвудский чайный сервиз	7
Чересчур хорошо сделанная работа	11
Аэродром в конавле	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Милорад Павич

Запись под знаком Девы

Milorad Pavić

Gvozdena zavesa

© Jasmina Mihajlović, 2011

© Савельева Л. А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Веджвудский чайный сервиз

В истории, которая здесь рассказана, имена героям будут даны не в начале, а в конце повествования.

* * *

Я познакомился с ней на математическом факультете столичного университета через моего младшего брата, который изучал филологию и военное дело. Она искала напарника, чтобы вместе готовиться к экзамену «Математика. Часть I», а так как она была парижанкой, в отличие от меня, приезжего, у нас была возможность заниматься в большой квартире ее родителей. Каждый день рано утром я проходил мимо принадлежавшего ей блестящего автомобиля марки «Лейланд Буффало». У подъезда я нагибался, отыскивал какой-нибудь камень и клал его в карман, а потом нажимал кнопку звонка и поднимался наверх. Я не брал с собой ни тетрадей, ни книг, ни чертежных инструментов – у нее всегда было все, что нужно для работы. Мы занимались с семи до девяти, в девять нам приносили завтрак, потом мы продолжали занятия до десяти, а с десяти до одиннадцати повторяли пройденное. Все это время я держал в руке камень, который, в случае если я задремлю, должен был упасть на пол и разбудить меня, пока никто ничего не заметил. После одиннадцати я уходил, а она продолжала учиться одна. Мы готовились к экзамену каждый день, кроме воскресенья, но она занималась и по воскресеньям тоже, в одиночку. В результате вскоре стало очевидно, что я от нее отстаю и разрыв в наших знаниях становится все больше и больше. Она думала, что я ухожу от нее так рано именно потому, что хочу самостоятельно выучить то, что пропустил, однако со мной она об этом никогда не заговаривала. «Каждый должен как червяк сам проедать себе дорогу», – думала она, полагая, что, читая наставления другим, сам умнее не станешь.

В сентябре пришло время сдавать экзамен. В назначенный день мы договорились встретиться заранее и пойти на факультет вместе. Она волновалась, и ее не особенно удивило то, что я не пришел ни на эту встречу, ни на экзамен. Только потом она задумалась, что же могло со мной случиться. А я не появлялся до самой зимы. «Не каждой букашке дано мед собирать, – решила она, но тем не менее иногда все-таки вспоминала обо мне и тогда думала: – Интересно, чем же он теперь занимается? Видно, он из тех, кто покупает свою улыбку на Востоке, а продает ее на Западе, или наоборот...»

Когда пришло время готовить «Математику. Часть II», она как-то утром неожиданно столкнулась со мной на факультете и стала с интересом рассматривать новые заплатки на моих локтях и новые волосы на моей голове, отросшие за то время, пока мы не виделись. И все пошло

по-старому. Каждое утро я приходил в определенное время, она спускалась ко мне сквозь зеленый слоистый воздух, словно шла через реку, в которой струятся теплые и холодные течения, открывала мне дверь и, хотя была еще совсем сонной, смотрела на меня тем своим взглядом, от которого разбиваются зеркала. Она наблюдала, как я выжимаю бороду шапкой и как снимаю перчатки. Соединив средний и большой пальцы, я энергично встряхивал кистями, так что обе перчатки выворачивались наизнанку и одновременно слетали с рук. Стоило мне с этим покончить, как мы без промедления приступали к работе. Она была полна решимости заниматься изо всех сил и занималась так ежедневно. С неутомимой волей и систематичностью и никогда не пропуская ни одной мелочи, она вникала во все детали изучаемого предмета – и утром на свежую голову, и после завтрака, и даже тогда, когда занятие подходило к концу и работа продвигалась медленнее. Я по-прежнему покидал ее дом в одиннадцать часов, и она снова замечала, что я рассеян, что уже через час мои глаза стареют и что я опять начинаю от нее отставать. Она наблюдала за моими ногами, одна из которых всегда стремилась сделать шаг, а другая оставалась совершенно спокойной, после чего они менялись ролями.

Когда пришло время январской сессии, она почувствовала, что я не готов сдавать экзамен, но ничего не сказала, считая, что тут есть и ее вина. В конце концов она решила про себя: «Не должна же я ему локти целовать, чтобы он занимался? Каждый делает что ему нравится, так что пусть он хоть хлеб у себя на голове режет...»

Узнав, что и на этот раз я не явился на экзамен, она все-таки задумалась и пошла посмотреть список студентов, чтобы узнать, не назначено ли мне на другое время или другое число. К ее великому удивлению, моей фамилии вообще не было в списке ни на этот, ни на какой бы то ни было другой день сессии. Более того, стало очевидно, что я и не должен сдавать эти экзамены.

Когда мы увиделись снова, в мае, она учила «Напряженный бетон», и мы опять стали заниматься вместе, словно ничего не случилось. Так мы провели всю весну, а когда началась июньская сессия, она уже заранее знала, что я и в этот раз не приду на экзамен и что теперь мы не увидимся до осени. Она задумчиво смотрела на меня своими прекрасными глазами, поставленными так широко, что между ними мог бы поместиться рот. И действительно, все вышло как всегда. Она сдала «Соппротивление материалов», а я даже не появился на экзамене.

Когда, довольная своим успехом и озадаченная моим поведением, она вернулась к себе домой, то наткнулась на мои тетради, которые я накануне в спешке оставил у нее, и нашла среди них мою зачетку. Машинально открыв ее, она с изумлением обнаружила, что я вообще не должен изучать математику, так как не являюсь студентом математического факультета, что учусь я на другом факультете и там сдаю все экзамены своевременно. Она вспомнила бесконечные часы совместных занятий, которые требовали от меня стольких бессмысленных усилий и бесцельной траты времени, и задала себе неизбежный вопрос: ради чего? Ради чего я проводил с ней столько времени, изучая предметы, которые меня совершенно не интересовали и которые я не должен был сдавать? Размышляя обо всем этом, она пришла к единственному заключению: всегда следует иметь в виду и то, о чем не говорится вслух, – видимо, дело было не в экзаменах, дело было в ней. И кто бы мог подумать, что я настолько застенчив, что в течение нескольких лет скрывал свое чувство. Она тут же отправилась ко мне, в комнату, которую я снимал вместе с несколькими студентами из Азии и Африки, и была поражена той бедностью, которую обнаружила. Там она узнала, что я уже уехал домой. Ей дали мой адрес, и она, недолго думая, села в свой «Буффало» и направилась в небольшой городок недалеко от Салоник на берегу Эгейского моря, решив про себя, что будет держаться со мной так, как будто ничего особенного не произошло.

В сумерках она подъехала к указанному ей дому. Он находился на берегу, двери были распахнуты настежь, рядом с домом стоял большой белый бык, привязанный к воткнутому в землю колу, а на кол была надета буханка свежего хлеба. В доме была кровать, на стене икона, а

под иконой – какая-то красная кисточка, камень на шнурке, юла, зеркало и яблоко. На кровати, опершись на локоть, спиной к окну лежала молодая обнаженная особа с длинными волосами и телом, опаленным солнцем. По спине, мягко изгибаясь, шла глубокая ложбинка, спускавшаяся к бедрам, прикрытым грубым солдатским одеялом. Казалось, что девушка в любой момент может повернуться, и тогда станет видна ее грудь, выпуклая, крепкая и блестящая в вечернем свете. Но когда это случилось, она обнаружила, что в кровати не женщина. Там лежал я, облокотившись на одну руку и жуя свои усы, пропитанные медом, потому что это было моим ужином. Я увидел ее и пригласил войти, и она поначалу никак не могла освободиться от первого впечатления, когда ей показалось, что в кровати лежит женщина. Но вскоре и это впечатление, и усталость от долгого пути исчезли. Она получила на ужин в тарелке с зеркальным дном двойную порцию – одну для себя, а другую для своей отраженной в зеркале души. Там были фасоль, грецкие орехи и рыба, а перед тем, как приступить к еде, она, так же как и я, положила под язык маленькую серебряную монетку, которую держала во рту все время, пока мы ели. Таким образом насытились все четверо: она, я и две наши души в зеркалах. После ужина она подошла к иконе и спросила меня, что это такое.

– Телевизор, – ответил я ей. – Или, иными словами, окно в тот мир, где пользуются математикой, которая отличается от твоей.

– Как это? – спросила она.

– Очень просто, – сказал я, – механизмы, самолеты и машины, созданные на основании твоих квантитативных математических расчетов, опираются на три элемента, которые абсолютно не поддаются исчислению. Это единица, точка и настоящий момент. Только сумма единиц составляет количество; единица же никакому исчислению не подлежит. Что касается точки, то ввиду того, у нее нет никаких параметров – ни ширины, ни высоты, ни глубины, – ее нельзя ни измерить, ни сосчитать. Правда, мельчайшие частицы времени имеют свой общий знаменатель – это настоящее мгновение, но оно тоже лишено квантитативности и не поддается измерению. Таким образом, основные элементы твоей квантитативной науки представляют собой нечто, что по самой своей природе чуждо квантитативному подходу. Как же тогда верить такой науке? Почему механизмы, созданные по меркам всех этих квантитативных заблуждений, так недолговечны, почему живут в три или четыре раза меньше, чем люди? Посмотри, у меня тоже есть белый «Буффало». Только он сделан не так, как твой, спроектированный в Лейланде. Проверь, каков он, и ты убедишься, что кое в чем он превосходит твой.

– Он ручной? – спросила она с улыбкой.

– Конечно! – ответил я. – Давай, не бойся.

Она погладила большого белого быка, привязанного у дверей, и медленно взобралась ему на спину. Я тоже сел верхом на него, спиной к рогам, и, глядя на нее, пустил быка вдоль моря так, что двумя ногами он ступал по воде, а двумя другими по берегу. Поняв, что я ее раздеваю, она в первый момент удивилась. Ее одежда, предмет за предметом, падала в воду, а потом и она стала расстегивать мою. Вскоре она уже скакала верхом не на быке, а на мне, чувствуя, что я становлюсь в ней все более тяжелым. Бык под нами делал то, что должны были делать мы, и она перестала различать, кто доставлял ей наслаждение – он или я. Сидя верхом на двойном любовнике, она видела сквозь ночную темноту, как мы проехали мимо роци белых кипарисов, потом мимо людей, которые собирали на берегу росу и камешки с дыркой, потом мимо других, которые разжигали костры, чтобы сжечь на них свои тени, мимо двух женщин, кровоточащих светом, мимо сада длиной в два часа, где в первый час пели птицы, а во второй час спускался вечер, в первый час цвели фруктовые деревья, а во второй час ветры навевали снег. Потом она ощутила, как вся моя тяжесть перешла в нее, а прищипоренный бык резко повернулся и понес нас в море, отдавая во власть волн, которые должны были отделить нас друг от друга...

* * *

И все же она ни слова не сказала мне о своем открытии. Осенью она принялась готовиться к дипломному экзамену, и, когда я предложил ей заниматься вместе, она ничуть не удивилась. Как и раньше, мы зубрили каждый день от семи утра до завтрака, а потом до половины одиннадцатого, но теперь она уже не обращала внимания на то, хорошо ли я усваиваю материал, а я оставался у нее и после половины одиннадцатого, чтобы провести с ней полчаса без книг. В сентябре она сдала дипломный экзамен, и то, что я не пришел сдавать его вместе с ней, не стало для нее неожиданностью.

Неожиданностью стало то, что с тех пор она меня больше никогда не видела. Ни в тот день, ни в следующий, ни в последующие недели, ни в одну из дальнейших сессий. Никогда. Она удивилась и решила, что ошиблась в оценке моих чувств. Однажды утром она сидела в той комнате, где мы занимались в течение нескольких лет, и ломала голову, пытаясь додуматься, в чем же все-таки дело, и вдруг ее взгляд случайно упал на веджвудский чайный сервиз, который после завтрака остался стоять на столе. И тут она все поняла. Ежедневно в течение долгих месяцев, прилагая огромные усилия и теряя массу времени и сил, я занимался с ней только для того, чтобы каждое утро получать горячий завтрак – единственную пищу за весь день. Поняв это, она задала себе еще один вопрос. Возможно ли, что на самом деле я ее ненавижу?

* * *

Ну и под конец надо исполнить то, что было обещано в самом начале: дать имена героям этой повести. Если читатель не догадался сам, то вот и ответ на загадку. Мое имя Балканы. Ее имя – Европа.

Чересчур хорошо сделанная работа

Есть очень много материальных подтверждений того, что зять византийского императора Андроника II Палеолога, сербский король Стефан Урош II Милутин Святой, за сорок лет своего владычества (1281–1321) построил сорок церквей – каждый год по одной. Одна из этих сорока церквей была воздвигнута около 1299 года, когда Палеологи, потерпев поражение в войне с Милутином, решили заключить мир с Сербией и породниться с королем, для чего дали ему в жены пятилетнюю византийскую принцессу Симониду, дочь императора Андроника. Биограф сербского короля, поэт Даниил Печский, свидетельствует в 1332 году, что Стефан «в самом Царьграде, на месте, называемом Продром, поставил божественную церковь». Церковь была посвящена святому Иоанну Предтече της πητρας¹, а рядом с ней король повелел поставить «многие дивные и прекрасные палаты и построить ксенодохии (странноприимные дома) или же больницы»². В монастыре на Продроме, где король собрал самых известных врачей и обеспечил их всем необходимым, лечили также и глазные болезни. В 1315 году здесь некоторое время находился на лечении престолонаследник Стефан Дечанский, который после своей неудачной попытки свергнуть отца с престола был ослеплен и сослан в Константинополь.

Так было положено начало знаменитой глазной лечебнице на Продроме.

Великий византийский дукс Алексей Апокавк был убит 11 июня 1345 года при посещении темницы, в которой были заточены его противники; гражданская война, начавшаяся в империи в 1341 году, захватила и Константинополь. Сельджуки грабили окрестности столицы, в самом городе царил голод. Как раз тогда в сербский монастырь на Продроме попал десятимесячный мальчик, один из тех беспризорных, едва живых детей, которых так много было на улицах города. Монахи давали ему жеваный хлеб и вино, а по воскресеньям и по праздникам выносили в притвор церкви Святого Иоанна Предтечи, где под иконой Богородицы Млекопитательницы его кормили странники и нищенки, наделенные грудным молоком. Но ребенок не поправлялся, потому что не мог заснуть или, точнее сказать, просыпался, как только ему удалось заснуть; его поместили в монастырскую лечебницу, однако и там ему не стало лучше.

В то время когда проповедник Григорий Палама сидел в константинопольской тюрьме, осужденный за свое ученье о Фаворском свете, с Афона в Константинополь тайком перебрался некий греческий монах родом с Синайского полуострова. Он остановился в сербском монастыре на Продроме, надеясь скрыться там от греческих властей. Он (обычно за трапезой) обучал монахов, как добиться того, чтобы тело во время молитвы становилось настолько неподвижным, что молящийся совершенно забывал, есть ли у него волосы и одежда и какого они цвета, вида или покроя. Он учил их задерживать дыхание и сосредоточивать все свое внимание на созерцании телесными глазами духовной сущности, то есть сердца или души, до тех пор, пока не снизойдет озарение – свет, который не стареет. Пришелец утверждал, что это и есть тот самый свет, который был явлен ученикам Христа на горе Фавор. Когда синаиту показали полумертвого мальчика, он сказал, что у ребенка большие сны и его надо срочно лечить. В ту же ночь он велел всем монахам в одно и то же время увидеть мальчика во сне. Это удалось немногим, но, так как некоторым монахам нужный сон все-таки приснился, к утру ребенок оказался здоров. Об этом заговорили в городе, в монастырь потянулись больные, и вскоре в больнице на Продроме появились новые кельи, где стояли кровати для тех, кто лечился от больших снов. Эта практика существовала целое столетие, пока в 1453 году ей не положил конец один необычный случай. В тот год, еще с весны, турецкий султан Мехмед II

¹ В расселине скалы (*др. – греч.*).

² См. сборник XIV в. «Жизнеописания королей и архиепископов сербских» в издании Дж. Даничича. Загреб – Белград, 1866.

начал укреплять восточный берег Босфора, находящийся напротив Константинополя. По его приказу на Босфор из сербской Деспотии в апреле пригнали пятнадцать сотен лошадей и отряд инженерных войск, набранный среди сербских юношей из горняцких поселков, окружавших город Ново-Брдо. Среди них были и два молодых человека из Островицы. Одного звали Станислав Спуд, а другого – Константин Михайлович. Прodelав далекий путь, они прибыли в лагерь Мехмеда, после чего коней угнали в возвышающиеся над Босфором горы, а прибывший инженерный отряд, под охраной и в сопровождении турок, остался ночевать в лодках. За ночь лодки неслышно подошли к константинопольскому берегу, отряд тайно высадился и принялся рыть под крепостной стеной города подкоп. На рассвете с того места, где укрывались инженерные войска, увидели, что на другой стороне пролива скопилось множество легких турецких лодок, образовавших нечто вроде моста между Галатой и Константинополем. По этому мосту, рубя и убивая на скаку всех подряд, на греческую столицу неожиданно понеслась легкая турецкая конница, быстро достигшая городских стен. Началось сражение, в городе ударили в колокола, и в это время на противоположной, турецкой стороне в четырех итальянских милях от моря, прямо напротив Константинополя, на лесистом холме засверкали белыми парусами тридцать больших турецких фелюг. Эти тайно сколоченные суда, надувая паруса, заскользили одно за другим вниз, через лес, по смазанному жиром желобу, со знаменами, барабанным боем и пушечной пальбой. Их тащили через лес тысячи людей, буйволы и пятнадцать сотен лошадей, пригнанных из Деспотии. Таким образом, турецкий флот вмиг оказался в самом сердце греческой столицы, по другую сторону цепей, которые с моря ограждали вход в константинопольскую бухту. Когда первая турецкая фелюга, накренившись так, что казалось, сейчас перевернется, рассекла морские волны и двинулась к константинопольскому берегу, обе армии с оружием в руках на миг застыли. Колокола смолкли, турецкие воины с обнаженными саблями, остановив своих коней, оглядывались на происходящее у них за спиной и не верили своим глазам, а с крепостных башен и стен смотрело вниз бесчисленное множество людей. Станислав Спуд, который в тот момент поджигал пороховой заряд, тоже на мгновение оглянулся. Последнее, что он видел в своей жизни, были фелюги, плывущие через лес на всех парусах. Раздался взрыв, и Спуд лишился зрения. Константин и еще один горняк из Ново-Брдо посадили раненого на лошадь и, поддерживая его, ослепшего и окровавленного, с двух сторон, стали пробираться сначала через турецкую, а потом через греческую линию фронта. Войдя в Константинополь, они нашли сербский монастырь на Продроме и передали своего несчастного земляка испуганным монахам из глазной лечебницы.

Однако Станиславу Спуду не удалось излечиться до конца. Его зрение улучшилось лишь настолько, что он мог теперь видеть свет и различать вблизи цвета и движения. Он остался при монастыре и выучился на помощника лекаря. Особенно нравилось ему находиться в отделении, где лечили сны. А через тридцать лет он достиг такого совершенства в умении сохранять при молитве неподвижное положение тела, что полностью забывал о себе, о своих волосах и одежде, и после таких моментов озарения у него выпадали волосы из косички или же из бровей. Он прославился как целитель и среди христиан, и среди константинопольских турецких вельмож, так что и те и другие приводили в монастырь Святого Иоанна Предтечи на Продроме своих больных. За тридцать лет его практики не было ни одного случая неудачного лечения. Весной 1498 года в Константинополь приехал один египетский эмир со своей семьей. Его младший сын, трехлетний ребенок, никак не мог заснуть после долгого и утомительного пути. Обеспокоенный отец послал людей из своей свиты на Продром, и они пообещали Спуду щедрое вознаграждение, если он вылечит ребенка, но пригрозили смертью, если он не справится с этой задачей.

Спуд уединился в своей келье и принялся искать то, что лучше всего подошло бы для данного случая, перелистывая сборник, который он составлял годами, записывая сны в большой книге. Если бы не угрозы, лекарь, вероятно, нашел бы решение без особого труда. Но сейчас он

боялся что-либо упустить и старался принять во внимание каждую мелочь. Его очень беспокоило одно обстоятельство. Дело было не в болезни мальчика. Беспокоил его собственный возраст. Ему было почти девяносто лет, и он чувствовал, что такая большая разница между ним и ребенком таит в себе опасность и может стать препятствием тому благотворному действию, которое должен был оказать на мальчика сон целителя. Старательно пересмотрев все сны, он выбрал два. Один из них он записал еще в молодости, когда, полувоин-полураб, нес подневольную службу в турецкой армии. Он очень любил этот сон, который однажды приснился служившему вместе с ним турецкому воину.

Второй сон время от времени снился самому целителю. Спуд толком не понимал, почему он ему снился; однако монахи на Продроме, те, что жили и ели вместе с ним, рассказывали, что он часто засыпал за трапезой. Когда это произошло в первый раз, он держал в руке широкую, наполненную вином чашу, из которой выглядывали рога маленького серебряного оленя, прикрепленного к ее дну. Целитель как раз собирался произнести здравицу, но вдруг закрыл глаза и выпустил чашу из рук, она стукнулась о стол, однако так, что вино не пролилось. Несколько мгновений он сидел с закрытыми глазами, протянув руки над столом с чашами, а потом очнулся. Монахи, сидевшие рядом, принялись удивленно расспрашивать, что случилось, и тогда он рассказал им, что в мгновенном сне ему привиделось море, на море волны, а на волнах корабль. Он увидел, что большая волна хочет поглотить корабль и моряков, и тогда он выронил кубок, протянул руку в сон, схватил корабль и извлек его из бушующего моря.

Этот второй сон показался целителю более подходящим, потому что он видел его в более позднее время, то есть ближе ко времени больного мальчика. Понимая, как трудно из собственной старости дотянуться до возраста трехлетнего ребенка, целитель сосредоточил все свое мастерство на том, чтобы преодолеть время, разделяющее поколения, и отправить свой сон как можно дальше в будущее.

«Надо попасть как можно дальше, как можно дальше, это самое главное», – шептал он, уподобляясь пушкарю времен своей военной юности. И тогда он решил воспользоваться посредником.

У больного был десятилетний брат, и целитель послал ему в подарок кубок с оленем, а эмиру наказал в тот же день вечером вывести сына на террасу над Босфором и, дав ему этот кубок с вином, повелеть выпить его, думая о своем больном брате. В это время сам целитель, на Продроме, старался внушить брату больного мальчика свой сон о спасении корабля.

На следующий день рано утром в монашескую келью на Продроме, где обитал целитель, вошли два телохранителя эмира и ввели туда оседланного жеребца, у которого глаза были завязаны шелковым платком. Они сказали, что эмир благодарит за службу, дали целителю золотой, посадили на коня и вместе с ним выехали из монастыря. Оказавшись на дороге, идущей вдоль моря, они хлестнули лошадей и, продолжая скакать по обе стороны от слепого старца, самой быстрой рысью направились к берегу. На краю отвесного обрыва над морем кони, на которых сидели телохранители, резко остановились, а жеребец с повязкой на глазах, получив еще один удар кнутом, полетел в пропасть вместе со своим седоком. Перед тем как Станислав Спуд погрузился в волны, к нему на несколько мгновений вновь вернулось зрение.

По всей вероятности, лечение сына эмира оказалось безуспешным.

* * *

Корреспондент парижской газеты «Монд», регулярно присылавший сообщения об израильско-египетском конфликте 1967 года, привел в одной из своих заметок в июне следующую информацию. За день до того, как египетская авиация утратила способность дальнейших действий, в одной из воинских частей израильтян, которая участвовала в операции на Синайском полуострове, среди взятых в плен оказался египетский сержант из Александрии. Весь день

он пролежал на песке в расположении захватившего его подразделения, на жаре, без воды, под непрерывными налетами египетских самолетов. Когда в конце дня кто-то предложил ему флягу, он, едва прикоснувшись к ней губами, выпустил ее из рук и замер с закрытыми глазами и поднятыми к небу руками. Израильские солдаты подумали, что он не стал пить, потому что во фляге было вино, а мусульманам вера его запрещает. Однако, придя в себя, юноша рассказал, что в египетской авиации служит его брат и что в тот момент, когда ему предложили питье, он вдруг моментально погрузился в сон и увидел во сне подбитый египетский самолет, падающий на землю. Тогда он тут же выпустил флягу и протянул вперед руку, чтобы его удержать.

Должно быть, в свое время целитель на Продроме сделал свое дело чересчур хорошо. Автор, когда писал эту книгу, старался избежать участи Станислава Спуда.

Аэродром в конавле

Когда до войны братья моей матери и старший брат моей жены уезжали по делам в Дубровник, они всегда останавливались в одном и том же доме. И хотя я никогда не был с ними знаком, потому что все они погибли в 1941 году во время немецкой оккупации, мне известен адрес этого дома. После окончания Второй мировой войны мы попытались установить контакт с Дельфой Дорианович – той самой их знакомой, у которой они бывали и которая жила на Гружском шоссе в доме № 123-а. Нас там встретили с удивлением и сообщили, что Дельфа погибла в 1944 году при странных обстоятельствах. На основании того, что нам удалось узнать о ее смерти, события можно реконструировать следующим образом.

* * *

Все, кто знал Дельфу, вспоминают две ее особенности, сразу бросающиеся в глаза и – что интересно – между собой связанные. У Дельфы был удивительно красивый цвет лица, вы это замечали сразу и уже никогда не забывали. Свои длинные черные волосы она забрасывала за спину и носила словно накинутую на плечи шаль. Второй ее особенностью был необыкновенный дар слез. Она плакала по малейшему поводу, обильно и почти ежедневно, и при этом, можно сказать, не испытывала особых страданий. Все, кто знал ее, считали, что чистота кожи ее лица и рук объяснялась этими часто проливающимися слезами. Некоторые даже утверждали, что она слезами умывалась. Во всяком случае, когда ее видели в последний раз, она тоже была заплаканной, и домашние не знали, имелись ли для этого более серьезные причины, чем обычно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.